

Шадровский
Виктор
Леонидович

«Соловьиная ночь»
Кузовков – нар. арт.
РСФСР
Шадровский В.Л.

В. Шадровский Народный артист России

Родился 16 января 1920 года на станции Зуевка Кировской области.

После окончания семилетней школы в 1937 году поступил учиться в театральную студию при Кировском ТЮЗе.

В мае 1942 года Виктор Шадровский призван на фронт.

За подвиги старший сержант Виктор Леонидович Шадровский в 1943 году награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

В 1944 году Виктор Шадровский награжден медалью «За боевые заслуги».

В Курганском театре драмы служил с 1947 года.

За творческий вклад, за особые достижения в развитии театра в 1975 году В.Л. Шадровскому присуждено почётное звание «Народный артист РСФСР».

В 1990 году решением городского Совета Виктору Леонидовичу Шадровскому присвоено звание «Почетный гражданин города Кургана».

В этом же году на фасаде дома, где живёт актёр, была торжественно открыта мемориальная доска.

Жизнь моя, любовь и боль моя

Прибыл в Курган из Армавира 15 сентября 1947 года в час ночи местного времени. Встретил меня завхоз театра. Вышли мы с перрона на привокзальную площадь (если можно было ее так назвать), кругом темень, невероятная грязь, колоссальные лужи. Подошли к какой-то лошаденке, запряженной в телегу. Извините, говорят, машины у театра нет, а на лошаденке вернее.

Возница мужичок, заметив, что я нос повесил, сделался необыкновенно разговорчивым, стал рассказывать разные байки про город Курган. Приехали мы на Береговую (ныне улица Климова) к общежитию, разгрузились. Занесли вещи к актеру Федяшову, моему фрон-

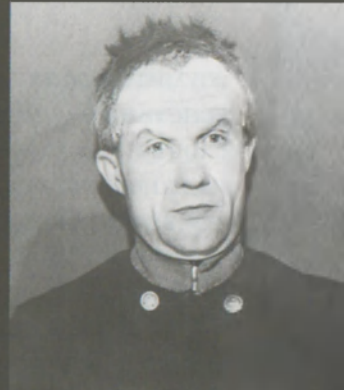
товому товарищу, он-то меня и вытащил в Курган из Армавира.

Вышел я во двор покурить, смотрю, в темноте высится какой-то большой памятник. Думаю, кому же он поставлен, такой громадный? Долго не мог заснуть, в голову лезли всякие мысли. Встал рано. Пойти в театр, но там еще никого нет. Пойду-ка на базар, надо что-то купить из еды, ведь была еще карточная система. Вышел на улицу, смотрю: Боже! Никакой это не памятник. Это пожарная каланча. Громко рассмеялся я над своим заблуждением. Прихожу на базар и глазам не верю! Он набит всевозможными продуктами по баснословно низким ценам, особенно удивительным после голодного Армавира. Показалось, что попал в другое царство-государство! Большое ведро картошки – 3 рубля, курица 4-5 рублей. Полно дичи, рыбы. Мясо всевозможное от трех до шести рублей за килограмм. Возвращался я с базара в прекрасном настроении, ушли мрачные ночные думы, навеванные непролазной грязью, ветхими домишками и превращением памятника в пожарную каланчу.

В театре меня приняли тепло и доброжелательно. Беседа со мной, главный режиссер В.И. Княжич тактично, по-доброму объяснил, что меня придется ввести в ряд спектаклей вместо выбывших актеров – процедура для нового актера крайне неприятная! Княжич понравился мне искренностью, мягкостью, чуткостью.

Почти за 50 лет работы в Курганском театре много повидал я разнообразного творческого люда. Считаю, что решающее влияние на формирование коллектива оказали главные режиссеры Княжич В.И., Зорин Н.В., Истомина-Кастровский В.В., Меерсон Л.М., Райкин Б.С., режиссеры Воложанин Н.А., Брегер Ю.Г., Островский Е.В., главные художники Забелин Б.И., Ромадин Н.А., Ентин Б.Г., Литвинов В.М.

Творческий расцвет театра связываю с годами руководства Лазаря Марковича Меерсона. Будучи высокопрофессиональным режиссером, он был также

«Егор Булычев»
Трубоч – нар. арт.
РСФСР
Шадровский В.Л.

«Нестерка»
Нестерка – нар. арт.
РСФСР
Шадровский В.Л.
Пан Барановский –
нар. арт РСФСР
Колпаков Б.А.

«Итальянская трагедия»
Бертон – нар. арт. РСФСР Шадровский В.Л.
Джули – арт. Менщикова Л.А.

«Суббота, воскресенье, понедельник»
Роза – арт. Голубниченко И.Г.
Антонио – нар. арт. РСФСР Шадровский В.Л.

«Трехгрошовая опера»
Госножа Пичем – засл. арт. РСФСР
Мамонтова Л.М.
Господин Пичем – нар. арт. РСФСР
Шадровский В.Л.

«Вечно живые»
Чернов – нар. арт. РСФСР Шадровский В.Л.
Бородин – нар. арт. РСФСР Колпаков Б.А.

носить на другую сторону, на высокое место. В конце концов машину вытолкали, грязь с себя смыли, опять загрузились и поехали. На всю эту процедуру ушло часа три. Ехали уставшие, голодные. У кого-то закралось сомнение:

– Виктор Леонидович, куда спешить-то, все равно нас уже никто не ждет.

– Посмотрим. А вдруг ждут!

Приезжаем в Лопатки. У клуба народ толпится. Увидев машину, люди стали махать руками. Подъезжаем. И тут местный Щукарь подходит ко мне и говорит:

– Товарищи артисты, где вас черти носили? Мы вас ждали-ждали, все углы у клуба обоссали, а вас все нет и нет.

– Ничего, товарищи! Сейчас все будет в порядке! Спасибо, что ждали...

Устроили нас жить в школе-интернате, свободной летом. Женщины принесли молока, хлеба, картошки отварили. Какими благодарными глазами смотрели они на нас, замотанных, голодных. Спектакль все-таки сыграли, и мы с такой же признательностью смотрели на них за то, что они нас ждали.

Не подумайте, что я тоскую по тем временам. Не дай Бог, чтобы вернулись та неустроенность, те нелепые трудности. А тоскую я по взаимопониманию, доброжелательным и добрым взаимоотношениям между людьми.

А какая была тяга к культуре, к театру! Так что же произошло с нами? Это уже другой разговор.

За 50 лет в жизни театра прошло немало интересных людей. Но мне хочется отдать дань памяти двум коллегам, которые особо дороги мне. Это Борис Александрович Колпаков и Николай Федорович Филиппов.

Бориса Александровича вспоминаю как изумительного партнера. Мы понимали друг друга на сцене с полуслова, с еле заметного жеста. В диалоге, находясь даже спиной к нему, я всегда его чувствовал. Я читал его

мысль, ясно понимал, чего он от меня хочет. В общем, речь шла о подлинном общении, когда чувствуешь и знаешь партнера.

Мы просидели в одной гримуборной больше сорока пяти лет! И я не помню случая, чтобы Борис Александрович опоздал на репетицию, пришел неподготовленным. За час до начала спектакля он уже в гримировочной. Если меня долго нет, беспокоится, к помрежу подойдет: «Шадровского еще нет?». Прибежишь, ворчит, где, мол, тебя черти носили. После спектакля разговоров хоть отбавляй. Разбираем спектакль, отдельные сцены, где что-то надо изменить, что-то добавить. Любили работать над спектаклями, в которых вместе заняты, особенно парные сцены. И не любили ни я, ни он, когда нас назначали на одну и ту же роль. Чем это объяснить, не знаю. Чувством ревности, соперничеством? Да нет, что-то другое.

Очевидно, актерские индивидуальности у нас были разные, и когда режиссер ставил задачи и строил мизансцены для него, они абсолютно не подходили для меня и наоборот. Оба обожали играть спектакли, от которых получали истинное удовольствие: «Ермак», «Люди, которых я видел», а также «Неравный брак», «Дуэнья», на которых стоял сплошной стон от смеха в зрительном зале. Были какие-то разногласия по жизненным позициям? Конечно. Но эти разногласия не переносили на работу. Сцена для нас была святое место! Спектакль – священодейство.

Николай Федорович Филиппов! Наш дядя Коля. Вот уж поистине большой ребенок. Страшно доверчивый и невероятно добрый. Прямой, открытый, без малейшей дипломатии и хитрости. Актер, который вышел и ростом, и голосом, и талантом, щедро одаренный Богом и природой. Дяде Коле было свойственно особое состояние актера, совершенная органичность и непринужденность пребывания на сцене, вдохновенное умение играть, как будто ничего не играя.

А его детская непосредственность! Нужно было в гримировочной повесить гардины на окна, я ему говорю:

– Дядя Коля, есть дело.

– Какое еще дело?

– Нужно повесить гардины на окна.

– А у тебя что, ума не хватает?

– Так, дядя Коля, ум тут ни при чем. Для этого нужен дубина стоеросовый, рост...

Пауза... На меня внимательно посмотрел, расхохотался...

– Ах, трепушка гнусавая, давай, подставляй стол. Ну вот, все в порядке!

Приехал к нам новый режиссер Разинкин и на общем собрании коллектива очень длинно говорил о новом направлении театра, о другом пути.

Пришли в гримировочную. Дядя Коля громко хмыкал: «Чего он там болтал о путях-дорогах? У меня всю жизнь одна дорога, один путь. Из дома – в театр, из театра – в кабака, из кабака – домой».

Или появилось новое выражение по радио об атмосферном давлении, в гекто-паскалях. Приходит Николай Федорович в буфет: «Катюша, налей 150».

— Дядя Коля, неудобно громко говорить «Налей 150», публика же понимает о чем идет речь.

Потом объяснили Катюше на счет гекто-пакалей.

— Ну, ты у меня шустер, правильно! Вот дока.

Так и пошло. Заходили и говорили:

— Катя, сегодня 150 гекто-паскалей.

Такая вот была конспирация.